

ТАЦИТ И ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ИМПЕРАТОРОВ

В. Ю. Данилова

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация*

В статье проводится сравнительный анализ сведений об усыновлении римских императоров в 69 и 97 гг., представленных в «Истории» Тацита и «Панегирике» Плиния Младшего. Сопоставляются события 69 и 97 годов, выявляются сходные факты, связанные с усыновлением Гальбой Пизона и Нервой Траяна. Рассматривается степень влияния на Тацита и Плиния официальной имперской идеологии I — начала II в. н. э. Сравниваются политические взгляды Тацита и Плиния на проблему усыновления императора. Автор приходит к выводу, что значительные сходства в рассказе Тацита и Плиния о разновременных событиях объясняются как объективными историческими обстоятельствами, так и влиянием идеологии, и их собственной позицией. По мнению автора, Плиний Младший в вопросе об усыновлении прямо отражал идеологию Траяна, которая была ему выгодна. Тацит одобрял саму идею усыновления наиболее достойного преемника, но в меньшей степени, чем Плиний, следовал официальной идеологии Траяна. В «Истории» Тацита могла также отразиться идеология времен Гальбы.

Ключевые слова: история Древнего Рима, идеология Римской империи, усыновление, Тацит, Плиний Младший.

Цель данной работы — сравнить рассказ Тацита в «Истории» об усыновлении Гальбой Пизона в 69 г. и то, как представлено усыновление Траяна Нервой в 97 г. в «Панегирике» Плиния Младшего. Упомянутые события были важны для политической истории Римской империи тем, что впервые проблема передача власти была решена усыновлением не кого-либо из родственников императора, а совершенно постороннего ему человека. В случае Гальбы и Пизона усыновление окончилось неудачей, поскольку уже через четыре дня они были убиты новым претендентом на власть Отоном. Траян же после усыновления Нервой правил достаточно долго и успешно (98—117 гг.). При сравнительном анализе текста первой книги «Истории» Тацита и «Панегирика» Плиния бросается в глаза значительное сходство в том, как освещают события 69 и 97 годов эти два известных писателя и политических деятеля. Мы ставим перед собой задачу ответить на вопрос, случайны ли сходства в изложении этих событий Плинием Младшим и Тацитом. Чем можно объяснить эти сходства: объективными обстоятельствами, которые характеризуют ситуации с усыновлением в 69 и 97 годах, позицией самих авторов или влиянием идеологии времен Гальбы-Пизона и Нервы-Траяна?

Рассмотрим сначала объективные обстоятельства. Ситуации 69 и 97 годов схожи тем, что это были периоды политических кризисов Римской империи. После смерти Нерона в июне 68 г. прервалась династия Юлиев — Клавдиев, а после убийства Домициана в сентябре 96 г. закончилась династия Флавиев. В 69 г. Рим столкнулся с гражданской войной, в ходе которой погибли императоры Гальба, Отон и Вителлий, а также усыновленный Гальбой Пизон. В 97 г. гражданской войны удалось избежать, но она была вполне возможна [13, р. xxvii]. Плиний в «Панеги-

рике» отмечает отсутствие гражданской войны как заслугу Траяна. Он говорит о том, что невозможно забыть, как после усыновления Гальбой Пизона волнения и распри в государстве не успокоились, а наоборот начались [16, Panegyricus, 8.5].

У Тацита и Плиния заметно сходство в вопросе о причинах и поводах, по которым Гальба и Нерва решились на усыновление. Бросается в глаза возраст усыновителей: и Гальба, и Нерва к моменту получения ими власти были уже старыми. Гальбе в 69 г. было более 70 лет, и он представлен у Тацита как дряхлый, немощный старик, возраст которого «вызывал смех и отвращение у черни» (*ipsa aetas Galbae in risui ac fastidio erat*) [4, Historiae, I.5—7, 12, 16]. Гальба, по мнению Тацита, сознавал, что столь пожилой возраст является помехой к управлению государством, и еще до начала вооруженных выступлений против его власти обсуждал с близкими решение об усыновлении преемника [4, Historiae, I.12]. Данные античных авторов о возрасте Нервы расходятся, но в любом случае Нерва был старше 60 лет. Плиний называет его «кротчайший старец» (*mitissimus senis*) и «благочестивейший старец» (*sanctissimus senis*) [16, Panegyricus, 6.1; 10.4]. Ни Гальба, ни Нерва не имели детей. К объективному сходству можно отнести и возраст усыновленных. Пизону на момент усыновления было 30 лет: возраст, «которому уже чужды юношеские страсти» (*aetas tua quae cupiditates adulescentiae iam effugerit*) [4, Historiae, I.15]. Траяну на момент усыновления было 44 года: возраст зрелый, но далекий от дряхлости (*aetatis inflexa maturitas*) [16, Panegyricus, 4.7]. Оба автора подчеркивают зрелость усыновленных и то, что они весьма молоды по сравнению с их усыновителями.

И Тацит, и Плиний говорят о том, как повлияли на события преторианцы и легионы в провинциях.

Когда Гальба находился в пути из Испании, где весной 68 г. он был провозглашен императором, в Рим, там произошел мятеж преторианцев во главе с префектом претория Нимфидием Сабиним [4, *Historiae*, I.5]. Обстоятельства этого мятежа подробно описаны у Плутарха в биографии Гальбы [2, *Galba*, 8—9, 13—14]. Нимфидий Сабин был недоволен тем, что на его место Гальба назначил Корнелия Лакона. Нимфидий подговорил преторианцев, чтобы они провозгласили его императором, однако не все из них захотели выступить против Гальбы, и Нимфидий был убит. Преторианцы и после этого события играли большую роль в политической жизни Рима. Новый префект претория Корнелий Лакон был одним из приближенных Гальбы. Когда решался вопрос, где лучше объявить об усыновлении Гальбой Пизона — в сенате, в лагере преторианцев или на форуме, предпочтение было отдано преторианцам, и только после этого Гальба обратился к сенату [4, *Historiae*, I.17—19]. Вероятно, этот факт объяснялся и тем, что Пизон, по некоторым предположениям, был избран Гальбой именно под влиянием Корнелия Лакона [4, *Historiae*, I.14]. Поводом к усыновлению Пизона стал мятеж легионов Верхней Германии. Солдаты после смерти Нерона пытались провозгласить императором своего командира Вергиния Руфа. Тот отказался, и Гальба назначил вместо него нового легата Флакка Гордеония, которого солдаты презирали за телесную слабость, нерешительный характер и неискусность в военных делах [4, *Historiae*, I.9, 12].

Одной из возможных причин усыновления Траяна Нервой в 97 г. также стал мятеж преторианцев. Плиний в «Панегирике» не рассказывает о нем подробно, упоминая только сам факт мятежа, волнения в лагерях (*furor et motumque castrensem, tumultum*) и то, что Нерва был захвачен преторианцами в плен [16, *Panegyricus*, 5.7—8; 6.1—2; 8.5]. Детали произошедшего известны нам из сочинения Диона Кассия. Преторианцы во главе с префектом претория Касперием Элианом заставили Нерву выдать им убийц Домициана и расправились с этими людьми. Траян впоследствии наказал зачинщиков мятежа [9, *LXVIII*. 5.4]. Интересно отметить, что не все авторы связывают фразу Плиния о волнении в лагерях с мятежом преторианцев. Г. Мильорати считает, что это могли быть волнения военных частей на Рейне [15, p. 226—227]. Если это предположение верно, то мы, как и в случае с Гальбой, видим, что опасность для власти императора представляли германские провинции.

Теперь необходимо рассмотреть, какое влияние на рассказ Плиния и Тацита об усыновлении императоров оказала официальная идеология, а также собственная политическая позиция этих авторов. Насчет «Панегирика» многими исследователями признано, что он отражает официальную идеологию Траяна [7, p. 63; 10, p. 82; 19, p. 547, 549—550; 6, с. 23, 77—78, 132]. На наш взгляд, Плиний был одним из непосредственных творцов этой идеологии. В современной литературе подчеркивается также, что «Панегирик» с изложенной в нем концепцией власти императора являлся проводником для политических идей и механизмов, средством коммуникации между

императором и сенатом [18, s. 30—34, 214 ff.]. Поскольку Тацит и Плиний были современниками (вторая половина I — начало II в. н. э.) и друзьями на почве литературной деятельности, оба входили в сенат, некоторые исследователи объединяют их отношение к принципату. Й. М. Гейстхардт считает, что в трудах и Тацита и Плиния проследживается приверженность одной и той же идее («дискурс наилучшего принцепса»), которая представляет Траяна идеальным императором. По мнению Й. М. Гейстхардта, оба этих автора доказывали возможность участия сенаторов в политической жизни Рима при Траяне [12, s. 83ff, 146ff, 220ff]. Д. Сэйлор полагает, что в своих произведениях Тацит стремился показать себя независимым от императоров и что сами эти произведения были неким аналогом стоической оппозиции авторитарным принцепсам [17, p. 6ff].

Плиний относился к правлению Траяна безусловно положительно; его карьера при этом императоре развивалась успешно. «Панегирик» Плиния представляет собой благодарственную речь (*gratiarum actio*) в адрес принцепса, которую он произнес в сентябре 100 г. при вступлении в должность консула. По прошествии некоторого времени Плиний опубликовал свою речь в расширенном варианте с целью восхваления Траяна, который должен был стать образцом для будущих правителей [16, *Epistulae*, III. 18.1—2]. Как ясно из «Писем» Плиния, он входил в совет принцепса (*consilium principis*), то есть был одним из приближенных Траяна [16, *Epistulae*, IV.22; VI.22; 31]. Будучи в 110—113 гг. наместником провинции Вифиния, Плиний регулярно обращался к Траяну не только с деловыми вопросами, но и личными просьбами: например, просил предоставить римское гражданство успешно помогавшему ему врачу [16, *Epistulae*, X.5]. Траян исполнил эту просьбу.

Тацит в «Жизнеописании Агриколы», созданном в 97—98 гг., и «Истории», написанной между 101 и 109 гг. [1, с. 54, 94], высказывал одобрительное отношение к принципату Нервы и началу правления Траяна, говорил о том, что свою старость он собирает посвятить труду об их правлении [3, *Agricola*, 44; 4, *Historiae*, I.1]. Однако заявленный труд так и не был написан. Некоторые авторы высказывали идею о том, что с течением времени Тацит все больше разочаровывался в принципате Траяна в связи с ростом автократизма императора [11, s. 328; 5, с. 10, 21—22], другие не соглашались с этим [20, vol. I, p. 219—220]. На наш взгляд, Тацит был более сдержан в отношении к Траяну, чем Плиний, и соответственно в большей степени выражал в своих произведениях свою собственную позицию, чем пропагандировал угодные императору идеи. Карьера Тацита, как и Плиния, и при Флавиях, и при Нерве-Траяне развивалась успешно. Однако Тацит не отрицал своего политического продвижения при Домициане [4, *Historiae*, I.1], тогда как Плиний и в «Письмах» и «Панегирике» представлял этого императора тираном и всячески очернял его, чтобы показать в более выгодном свете Траяна.

В «Письмах» и «Панегирике» Плиния проводится мысль о том, что Траян был избран импера-

тором по воле богов и в первую очередь по воле Юпитера [16, *Epistulae*, X.1.1; *Panegyricus*, 1.3—4]. Нерва, усыновляя Траяна, лишь исполнял волю богов [16, *Panegyricus*, 8.2]. У Тацита нет такой ярко выраженной идеи об участии богов в выборе наследника императора, однако Гальба в своей речи говорит о себе, что он был призван к высшей власти «с согласия богов и людей» (*medeorum hominumque consensu*) [4, *Historiae*, I.15]. Необходимо отметить, что на монетах Гальбы встречаются изображение и легенда *Concordia* («согласие») — понятие, близкое по смыслу к употребленному Тацитом слову «*consensus*». Это монеты с легендой *Concordia provinciarum* («согласие провинций»), *Concordia Augusta* («согласие Августа») и *Concordia Hispaniarum et Galliarum* («согласие Испании и Галлии») [14, p. 309, 317, 337—338]. Поскольку против Гальбы были выступления в разных частях Римской империи (преторианцы в Риме, войска Верхней Германии, Луций Клодий Макр в Африке), ему было важно подчеркнуть идею согласия провинций и войск, а также согласия и мира в обществе. Возможно, Тацит, употребляя в «Истории» слово «*consensus*», хотел просто воссоздать атмосферу и идеологию 69 года. Однако в этом вопросе могли сказаться и взгляды самого Тацита на идею божественного происхождения власти императора. Тацит похвально отзывался о начале правления Траяна в «Жизнеописании Агриколы» и в «Истории», но в отличие от Плиния не упоминал об избрании Траяна богами.

Нет сомнения в том, что события, современные Тациту, повлияли на то, как он представил в «Истории» правление Гальбы и усыновление им Пизона. То, что происходило при Гальбе, прямо перекликалось с тем, что происходило при Нерве, и имело большое значение для современников Тацита [20, vol. 1, p. 120, 150, 153, 206—207; 12, s. 287]. В 97 г., когда Нерва усыновил Траяна, Тацит занимал должность консула-суффекта [8, p. 238], то есть играл значимую роль в политической жизни Рима и был свидетелем как самой адопции Траяна, так и ее последствий. Взгляды Тацита на проблему усыновления преемника отражены в первой книге «Истории» в речах Гальбы и Пизона [4, *Historiae*, I.15—16, 29—30]. Уже давно было замечено, что в трудах античных авторов речи передают не только позицию исторических персонажей, которые их произносят, но и выражают мнение самого автора [5, с. 12, 28—29, 34—35]. Характерно, что Тацит и Плутарх излагают события правления Гальбы очень похоже, что, вероятно, объясняется тем, что они использовали один и тот же источник. Однако Плутарх не уделил большого внимания вопросу об усыновлении Пизона [2, *Galba*, 21, 23], тогда как Тацит вложил в уста Гальбы обширную речь по этому поводу. Отсюда можно сделать вывод, что для Тацита это было важно. Тацит подчеркивает связь между 69 г. и своим временем, когда говорит о том, что Гальба проявил твердость характера и суровость в духе предков, «которым мы уже не соответствуем» (*cui iam pares non sumus*) [4, *Historiae*, I.18]. Тацит, судя по речи Гальбы, видел в усыновлении императора возможность избрать действительно достойного преемника, поскольку при династии

Юлиев — Клавдиев кандидата на усыновление выбирали только среди родственников. Путем адопции пришли к власти усыновленный Августом Тиберий, косвенным путем, через усыновление Тиберием Германика, — сын Германика Калигула, а также усыновленный Клавдием Нерон. Все перечисленные императоры вряд ли казались Тациту особенно достойными власти в отличие от Траяна (по крайней мере, в начале правления последнего), поэтому в «Истории» Тацит мог косвенно пропагандировать идею адопции императора.

Гальба в своей речи подчеркивает, что он искал преемника не среди своих родственников и друзей, а в пределах всего государства, и выбрал Пизона как самого достойного (*dignus*). Гальба отмечает такие качества Пизона, как «твердость души, любовь к свободе, верность друзьям» [4, *Historiae*, I.15]. В последней фразе в оригинале произведения перечислены традиционные римские ценности — *fides*, *libertas* и *amicitia*, которые были характерны еще для периода Римской республики. Пизон даже по своей внешности и манере держаться напоминал человека старого склада (*vultu habituque moris antiqui*) [4, *Historiae*, I.14]. Гальба говорит о том, что он хочет в лице Пизона дать государству достойного преемника (*bonum successorem*) и надеется, что Пизон станет хорошим принцем (*bonum principem*), а чуть ниже сообщает, что он собирается усыновить наилучшего преемника (*optimum quemque adoptio inveniet*) [4, *Historiae*, I.16]. Подчеркивается, что Пизон в момент принятия власти вел себя сдержанно, скромно, проявил почтительность по отношению к приемному отцу [4, *Historiae*, I.17]. Когда Тацит рассказывает о гибели Пизона (уже от своего имени, а не от лица Гальбы), то он говорит о том, что Пизон прожил достойную жизнь, оставил по себе добрую славу [4, *Historiae*, I.48]. В рассказе о выборе преемника могла отразиться идеология времен Гальбы, о которой источники не сохранили подробной информации, однако, на наш взгляд, и сам Тацит одобряет личность Пизона.

Плиний также постоянно называет Траяна «хорошим принцем» (*bonus princeps*) и противопоставляет его дурным принцам, особенно Домициану [16, *Panegyricus*, 4.1; 7.2; 26.1,5; 36.4; 40.3; 44.1; 45.3; 46.3; 53; 56.1; 59.5; 68.3,7; 75.3; 88.9; 90.2; 94.1; 95.4]. Плиний объясняет выбор Нервы тем, что Траян был лучшим, достойнейшим среди граждан по своим нравственным качествам. В «Панегирике» подробно охарактеризованы достоинства Траяна. Чаще всего упоминаются его умеренность, сдержанность и скромность, в том числе в момент принятия власти; отмечается и сыновья почтительность Траяна по отношению к Нерве [16, *Panegyricus*, 10.3]. Подчеркиваются хорошие отношения Траяна с его друзьями (*amici principis*), то есть с теми людьми, на которых он непосредственно опирался в управлении государством [16, *Panegyricus*, 85.1—2]. Плиний сравнивает Траяна с выдающимися деятелями времен Республики и подчеркивает, что принцепс гармонично сочетал в себе традиционные добродетели: «не более определенно и точно обозначает тебя тот, кто называет тебя Траяном, чем тот, кто называет тебя наилучшим, как когда-то Пизоны

определялись благоразумием, Лелии — мудростью, Метеллы — благочестием, каковые (качества) все вместе заключаются в одном этом имени» (*nes magis definite distincteque designat, qui Traianum, quam qui Optimum appellat: ut olim frugalitate Pisones, sapientia Laelii, pietate Metelli monstrabantur, quae simul omnia uno isto nomine continentur*) [16, Panegyricus, 88.6]. Случайно или нет, но Плиний начал сравнение именно с Пизонов. У Плиния обстоятельно разработана концепция наилучшего принцепса (*optimus princeps*), на которой впоследствии основывалась вся идеология Траяна. По ходу своей речи Плиний неоднократно употребляет по отношению к Траяну слова «*optimus*» [16, Panegyricus, 2.7; 7.4; 7.5; 83.3; 88.4; 88.5; 88.6; 88.8; 88.10; 89.1], «*optimus princeps*» [16, Panegyricus, 1.2; 36.1; 44.2; 56.1; 91.1; 92.4; 95.4] и «*optimus imperator*» [16, Panegyricus, 53.2]. Траян является наилучшим принцепсом благодаря своим добродетелям, нравственной чистоте и безупречности [16, Epistulae, X.1.2; 3A.3; 100; Panegyricus, 1.3; 20.2; 49.3; 63.7].

Плиний подчеркивает, что при Нерве и Траяне в общество вернулась свобода (*libertas*), противопоставленная рабству, которое римское общество испытывало при Домициане [16, Panegyricus, 2.5; 8.1; 45.1; 58.3; 66.5; 68.2; Epistulae, VIII.14.2—3; IX.13.4]. У сенаторов появилась возможность высказывать свое мнение, не боясь быть за это наказанными [16, Panegyricus, 76.2; Epistulae, IX.13.21]. Схожие идеи есть и у Тацита: рабство при Домициане выразилось в том, что люди были лишены возможности свободно общаться между собой и передавать друг другу свои мысли, поскольку это могло вызвать неудовольствие и преследование со стороны императора [3, Agricola, 2]. Но затем «Цезарь Нерва... совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, — принципат и свободу» (*Nerva Caesar res olim dissociabilis miscuerit, principatum ac libertatem*) [3, Agricola, 3], и наступили «годы редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (*rara temporum felicitate ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet*) [4, Historiae, I.1]. В целом мы видим, что и для Тацита, и для Плиния были важны традиционные республиканские ценности, уважение к которым они ожидали увидеть при Траяне.

Таким образом, многочисленные сходства в рассказе об усыновлении императоров у Тацита и Плиния можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, это схожесть объективных исторических обстоятельств, сложившихся в моменты кризиса власти императоров в 69 и 97 гг. Во-вторых, это влияние официальной имперской идеологии и позиции самих авторов. Тацит как историк в какой-то степени отразил в своем труде идеологию времен Гальбы. С другой стороны, первая книга «Истории» создавалась тогда, когда и для Тацита, и для Плиния был актуальным вопрос об усыновлении Нервой Траяна. Тацит, оценивая усыновление Гальбой Пизона, подчеркнул важность выбора самого достойного преемника, не обязательно родственника, и тем самым показал, что он одобряет приход к власти Траяна. Плиний торжественно восхвалил адопцию как наилучшее средство для предотвращения граж-

данской войны. Вполне вероятно, что оба автора, регулярно общаясь, обсуждая свою литературную деятельность, повлияли друг на друга в вопросе отношения к усыновлению императора. В начале правления Траяна и Тацит, и Плиний были, судя по источникам, искренне рады установившейся атмосфере свободомыслия, но затем их поведение разошлось. Плиний продолжал следовать идеологии Траяна, входил в число его приближенных, а Тацит в дальнейшем не демонстрировал какого-либо одобрения политики Траяна.

Литература и источники

1. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит / Г. С. Кнабе. — М.: Наука, 1981. — 208 с. (Время. Жизнь. Книги)
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Плутарх; отв. ред. С. С. Аверинцев. — Т. 2. — М.: Наука, 1994. — 688 с.
3. Тацит, К. Жизнеописание Агриколы // Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т.; под ред. С. Л. Утченко. — Т. 1. — М.: Ладомир, 1993. — С. 327—353.
4. Тацит, К. История / Корнелий Тацит; пер. с лат. и коммент. Г. С. Кнабе. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. — 400 с.
5. Тронский, И. М. Корнелий Тацит / И. М. Тронский // Корнелий Тацит. История; пер. с лат. и коммент. Г. С. Кнабе. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. — С. 3—46.
6. Шалимов, О. А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I — начале II в. н. э. / О. А. Шалимов. — М.: [б.и.], 2000. — 186 с.
7. Bennet, J. Trajan, *Optimus Princeps. A Life and Times* / J. Bennet. — London; New York: Routledge, 2006. — 317 p.
8. Birley, A. R. *The Life and Death of Cornelius Tacitus* / A. R. Birley // *Historia*. — Stuttgart, 2000. — Bd. 49. — H. 2. — S. 230—247.
9. Cassius, Dio. *Dio's Roman History with an Engl. transl. by E. Cary / Dio Cassius*. — Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. — Vol. 8. — 482 p.
10. Fears, J. R. *The Cult of Jupiter and Roman Imperial Ideology* / J. R. Fears // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. — Berlin; New York, 1981. — T. II. — Bd. 17. — P. 3—141.
11. Fraenkel, E. *Kleine Beiträge zur Klassischen Philologie* / E. Fraenkel. — Vol. II. — Rome: Edizioni Di Storia e Letteratura, 1964. — 625 p.
12. Geisthardt, J. M. *Zwischen Princeps und Res Publica. Tacitus, Plinius und die senatorische Selbstdarstellung in der Hohen Kaiserzeit* / J. M. Geisthardt // *Studies in Ancient Monarchies 2*. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. — 430 p.
13. Grainger, J. *Nerva and the Roman succession crisis of AD 96—99* / J. Grainger. — London; New York: Routledge, 2004. — 162 p.
14. Mattingly, H. *Coins of the Roman Empire in the British Museum* / H. Mattingly. — Vol. I. — London: The Trustees of the British Museum, 1965. — 601 p.
15. Migliorati, G. *L'idea di guerra nella propaganda di Traiano* / G. Migliorati // *Il pensiero sulla guerra nel mondo antico*. — Milano, 2001. — P. 225—241.
16. Plinius. *Letters and Panegyricus with an Engl. transl. by B. Radice / Plinius*. — Vol. I—II. — Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1975. — 1200 p.
17. Sailor, D. *Writing and Empire in Tacitus* / D. Sailor. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. — 359 p.
18. Seelentag, G. *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat* / G. Seelentag. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. — 556 p.

19. Soverini, P. *Impero e imperatori nell'opera di Plinio il Giovane* / P. Soverini // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. — Berlin ; New York, 1989. — T. II. — Bd. 33.1. — P. 515—554.

20. Syme, R. *Tacitus* / R. Syme. — Oxford : Clarendon Press, 1958. — Vol. I—II. — 856 p.

ДАНИЛОВА Валерия Юрьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (г. Владимир). E-mail: fasikcat@yandex.ru

Поступила в редакцию 31 мая 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180304

THE ADOPTION OF THE EMPERORS IN TACITUS AND PLINY THE YOUNGER

V. Yu. Danilova, fasikcat@yandex.ru
Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

In the article the comparative analysis of the adoption of the Roman emperors in 69 and 97 AD in Tacitus' "Historiae" and Pliny the Younger's "Panegyricus" is presented. The events of 69 and 97 AD are compared to determine the similar facts concerning the adoptions of Piso and Trajan by Galba and Nerva respectively. The influence of the official imperial ideology of the I — beginning the II centuries AD on Tacitus and Pliny is under consideration. The political views of Tacitus and Pliny on the problem of adoption are also compared. The author concludes that numerous similarities in Tacitus and Pliny's narrative of the non-simultaneous events can be explained by the objective historical reasons, the influence of the ideology and Tacitus and Pliny's political positions. To the author's opinion Pliny's "Panegyricus" is a direct declaration of Trajanic ideology including the case of adoption; this ideology being to Pliny's advantage. Tacitus approved the idea of the adoption of the best successor but he followed official Trajanic ideology in a less degree than Pliny. Galba's ideology can as well be reflected in Tacitus' "Historiae".

Keywords: history of Ancient Rome, ideology of the Roman Empire, adoption, Tacitus, Pliny the Younger.

References

1. Grainger J. Nerva and the Roman succession crisis of AD 96—99. London; New York, Routledge, 2004. 162 p.
2. Plinius. Letters and Panegyricus with an Engl. transl. by B. Radice. Vol. I—II. Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1975. 1200 p.
3. Kornelij Tatsit. Istorija [History]. Translation and notes by G. S. Knabe. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST»; Kharkiv: «Folio», 2001. 400 p.
4. Plutarch. Sravnitel'nyje zhizneopisanija: v 2 t. [The Comparative Biographies in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1994. 688 p.
5. Dio Cassius. Dio's Roman History with an Engl. transl. by E. Cary. Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. Vol. 8. 482 p.
6. Migliorati G. L'idea di guerra nella propaganda di Traiano [The Idea of the War in Trajan's Propaganda] // Il pensiero sulla guerra nel mondo antico [The Thought about the War in the Ancient World]. Milan, 2001. P. 225—241.
7. Bennet J. Trajan, Optimus Princeps. A Life and Times. London; New York, Routledge, 2006. 317 p.
8. Fears J.R. The Cult of Jupiter and Roman Imperial Ideology // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* [The rise and fall of the Roman world]. Berlin; New York, 1981. T. II. Bd. 17. P. 3—141.
9. Soverini P. *Impero e imperatori nell'opera di Plinio il Giovane* [Empire and emperors in the work of Pliny the Younger] // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* [The rise and fall of the Roman world]. Berlin; New York, 1989. T. II. Bd. 33.1. P. 515—554.
10. Shalimov O.A. *Obraz ideal'nogo pravitelja v Drevnem Rime v seredine I — nachale II veka nashej ery* [The Image of the Ideal Ruler in the Ancient Rome in the middle of the I — the beginning of the II century AD]. Moscow: [without edition], 2000. 186 p.
11. Seelentag G. Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. [Deeds and Virtues of Traian. The Representation of Power in the Principat]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. 556 p.
12. Geisthardt J.M. Zwischen Princeps und Res Publica. Tacitus, Plinius und die senatorische Selbstdarstellung in der Hohen Kaiserzeit [Between Princeps and Res Publica. Tacitus, Plinius and the senatorial self-representation in the Early Empire] // *Studies in Ancient Monarchies 2*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. 430 p.
13. Sailor D. Writing and Empire in Tacitus. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. 359 p.
14. Knabe G.S. Kornelij Tatsit. (Vremja. Zhizn'. Knigi) [Cornelius Tacitus. Time. Life. Books]. Moscow: Nauka, 1981. 208 p.
15. Kornelij Tatsit. Zhizneopisanije Agricoly [The Life of Agricola]. In: Kornelij Tatsit. Sochinenija: v 2 t. [Works in 2 vol.]. Ed. S.L. Utchenko. Vol. 1. Moscow: Nauchno-izdatel'skij tsentr «Ladimir», 1993. P. 327—353.
16. Fraenkel E. Kleine Beiträge zur Klassischen Philologie [The Small Works in Classical Philology]. Vol. II. Rome: Edizioni Di Storia e Letteratura, 1964. 625 p.

17. Tronskij I.M. Kornelij Tatsit [Cornelius Tacitus]. In: Kornelij Tatsit. Istorija [History]. Translation and notes by G.S. Knabe. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»; Kharkiv: «Folio», 2001. P. 3—46.

18. Syme R. Tacitus. Oxford: Clarendon Press, 1958. In 2 vols. 856 p.

19. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. I. London: The Trustees of the British Museum, 1965. 601 p.

20. Birley A.R. The Life and Death of Cornelius Tacitus // *Historia*. Stuttgart, 2000. Bd. 49. H. 2. S. 230—247.

Received May 31, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Данилова, В. Ю. Тацит и Плиний Младший об усыновлении императоров / В. Ю. Данилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 3. — С. 27—32. DOI: 10.14529/ssh180304

FOR CITATION

Danilova V. Yu. The adoption of the emperors in Tacitus and Pliny the younger. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 3, pp. 27—32. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180304
